

ISSN 0201—7385
ISSN 0130—0075

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

6/2000

¹⁴ Цит. по: *Келдыш В.А.* Летопись литературных событий // Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901—1907. М., 1971. С. 342, 401.

¹⁵ См. об этом: *Катаев В.Б.* Сложность простоты. Рассказы и пьесы А.П. Чехова. М., 1998. С. 53—54.

Résumé

In the early 20th century Gorky brought together around the «Znaniye» collections of stories many and various writers centred on pondering the burning issues in the life of Russia. He understood, though, that realism in its traditional form has exhausted its potentialities. The new formulation of the «problem of the reader» — to see an enemy in the hypothetical reader, to unsettle and shatter his tastes and habitual expectations — has determined changes in the language of the writer's art. The spirit of the epoch urged literature to destroy not only the basal foundations of existing order, but traditional forms and the principles of describing reality as well. The technique of this kind of «destabilization» not infrequently coincided in writers coming from opposite camps. In works produced by «Znaniye» «realists» all kinds of stylistic devices can be found which seem to be characteristic of their literary antagonists, the decadents.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 9. Филология. 2000. № 6

А.И. Журавлева

«Московская поэтическая школа» и проблема альтернативных путей в литературе

Так все-таки: поэзия — это достижения стихосложения или оживающее слово?..

Из современной литературной полемики

Само понятие московской и петербургской поэтических школ существует в сознании человека русской культуры достаточно давно и как бы помимо рационально-логичеких построений и научных описаний явления. Оно несомненно на уровне читательской интуиции и подчас очень трудно определимо в научном дискурсе.

Культурная оппозиция «московская/петербургская школа» резко осозналась и стала обиходной в рассуждениях о поэзии особенно в эпоху Серебряного века, когда она была подкреплена острой литературной борьбой. Пожалуй, можно сказать, что именно с этого времени она вполне укрепилась как явление общего характера; до этого понятие было прикреплено к конкретным эпизодам истории поэзии.

Возникновение этой оппозиции можно датировать 1820 — началом 1830-х гг. Само понятие «московские литераторы», «московские поэты» — термин этой эпохи. Кажется, впервые¹

употребил его Вяземский в рецензии на альманах Раича и Ознобишина «Северная лира», помещенной в «Московском телеграфе» в 1827 г. : «“Северная лира” может, кажется, быть признана за представительницу московских муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, московскому Парнассу; не знаю, можно ли сказать: московской школе, хотя точно найдутся признаки отличительные в новом здешнем поколении литературном. Вообще вся наша литература мало имеет в себе положительного, ясного; есть что-то неосязательное, облачное в ее атмосфере. В климате московском есть что-то и туманное. Пары зыбкого идеологизма носятся в океане беспредельности»².

Хотя известная поэтическая общность москвичей была замечена уже современниками, определить ее не вполне удавалось. Недаром и Вяземский говорит о «московской школе» с осторожностью и предположительно, безоговорочно объединяя авторов «Северной лиры» лишь как обитателей «московского Парнасса».

Если «снаружи» москвичи еще могли показаться неким единством, то при взгляде «изнутри» различия выступали со всей очевидностью. Так, Киреевский в «Обзрении русской словесности 1829 г.» относит к «немецкой школе» москвичей Веневитинова, Шевырева, Хомякова и Тютчева, а Раича, Ознобишина и Туманского — к «итальянской». Тем не менее сама попытка художественного самоопределения «московской поэзии» налицо.

Этот эпизод в истории литературы привлекал внимание филологов и прежде всего пушкинистов. Невозможно было при сколько-нибудь объективном подходе к явлению не заметить весьма сложных отношений Пушкина с кругом московских литераторов, любомудрами. Они и не остались незамеченными. Правда, писали об этом (разве что за исключением Тынянова) преимущественно в связи с «Московским вестником» (Аронсон, Канунова, Тойбин, Маймин, Морозов).

Тынянов в работе «Пушкин и Тютчев» видит в качестве определяющей черты поэзии конца 1820-х — 30-х гг. перемещение интереса от жанра к стилю, а стилевые искания московских поэтов связывает с вниманием к образу и его метафорическому развертыванию, тяготеющему к аллегории. Таким образом, если можно говорить о повествовании в применении к лирике, то, по Тынянову, отличие новой поэтической школы — в смене повествовательной стратегии.

Значительно позднее Кожинов в работе «После Пушкина. Тютчев и его школа» (Книга о русской лирической поэзии. М., 1978) связывает возникновение нового типа поэзии с кружком Раича, а «тютчевской школой» называет это явление потому, что Тютчев был поэтической вершиной этого направления. Но это

предложение кажется не вполне удачным, так как странно было бы называть Веневитинова, Шевырева, Хомякова, Раича, Ознобишина «поэтами тютчевской школы».

Представляется, однако, что, оставаясь исключительно на почве чисто стилевых явлений, объединить московских поэтов 1820—30-х годов будет затруднительно: различия выступают достаточно резко. И, как ни странно, географический подход — а точнее, конечно, социокультурный — может оказаться более плодотворным. В самое последнее время работы такого типа стали появляться (назовем статью Рогова «Московский романтизм» во втором Лотмановском сборнике, книгу Зыковой «Журнал Московского университета “Вестник Европы”. Разночинцы в эпоху дворянской культуры», ее же статью «“Пушкин и Шевырев”. К проблеме московской школы в поэзии», некоторые статьи в сборнике «Москва и московский текст русской культуры».

В эпоху, о которой идет у нас речь, можно говорить о разных типах организации культурного пространства Москвы и Петербурга. В столице в его центре был двор и соответственно светский салон. В Москве — университет и театр, «второй университет», как говорили современники. Сообразно этому различался и тип ценимой образованности. Широко известен высокий статус Царскосельского лицея, достаточно разностороннее образование давали и Пажеский корпус, и столичные военные училища. В Москве ценилось университетское образование (в том числе в родовитых дворянских семьях), даже учившиеся дома приглашали университетских профессоров, как Киреевские, сдавали экзамены в университете, как Хомяков.

Можно сказать, что почвой нового направления в поэзии оказываются Москва и московский университет, московский тип образованности: преобладание интереса к философскому знанию над социально-политической проблематикой, философской эстетики над, так сказать, практической критикой, журналы, издаваемые профессорами и вообще учеными людьми, а не литераторами³, отстаивание приоритетной значимости для русской современности немецкой философии и вытеснение французского влияния.

Несовместимость умственных укладов двух соперничающих в нашей истории городов то и дело проявляется в переписке той эпохи, выплескивается на страницы книг и периодики. Знаменитый спор о Москве и Петербурге, пик которого приходится как раз на 30-е гг., думается, у всех в памяти. Ирония Пушкина в сцене появления Татьяны в московском обществе («Архивны юноши толпою...») очевидна. Письма Дельвига к переехавшему в Москву Баратынскому⁴ полны настоящей ненависти к московскому миру. А начавший было литературные отношения с «Московским вестником» Пушкин в письме к Дельвигу вынужден оправдываться.

И как всегда хоть и мимоходом обозначает коренную суть разногласий: «Ты пеняешь мне за “Московский вестник” — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее, да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных положительными познаниями, но мы...»⁵

Между тем интерес москвичей к «немецкой метафизике» — это прежде всего стремление обрести метод, найти общую почву и на ней построить систему понимания поэзии, уяснить ее место в универсуме. Можно сказать историческое дело Московского университета для всей нашей культуры XIX в. — выработка общего взгляда на мир с опорой на классическую немецкую философию. Причем не только Шеллинг и Гегель, но и Кант, Фихте, Гердер активно участвовали в этом процессе умственного самоопределения русского общества⁶. Если вспомнить популярную сейчас фразу о том, что нужнее голодному — рыба или удочка, то Московский университет как раз и давал русскому обществу удочку... А как использовать ее — это было уже наше дело: можно рыбу ловить, можно соседу глаз выколоть.

На то, чтобы быть главой складывавшейся «Московской школы» — ее теоретиком — претендовал профессор университета С.П. Шевырев. В работе Г. Зыковой «Пушкин и Шевырев»⁷ проанализирована теоретическая полемика Шевырева с пушкинским направлением в поэзии и его попытка обосновать необходимость нового поэтического стиля, поэтому я не буду на этом останавливаться. Скажу только, что речь, в сущности, идет о создании эстетического обоснования философской лирики.

Как видим, становление «Московской школы» — это прежде всего ее самоопределение по отношению к пушкинскому канону.

Поэзия Пушкина — это овладение, обживание стихом речи, говорения. Все сделалось достойно поэзии и доступно ей. Пушкинская поэзия — мощный речевой поток, стремительное завоевание и подчинение стиху все новых сфер жизни. Гениальная у Пушкина, утвержденная им техническая легкость в дальнейшем не могла не провоцировать интенсивного стихописания, не приводить к девальвации стиха. И убаюкивающе облегченная стиховая масса мало чем лучше одуряюще тяжеловесной. Отсюда и нападки москвичей на легкость и прозрачность возобладовавшего направления поэзии.

Вменяешь в грех ты мне мой темный стих?

Прозрачных мне не надобно твоих.

.....

Бывал ли ты хоть на реке Десне?

Скажи же мне, что у нее на дне?

Это шевыревское кредо, выраженное в его известной эпиграмме.

И вот, хотя споры и соперничество между архаистами и новаторами, между традициями поэзии «высокой» и «легкой» старше Пушкина, поляризоваться географически, привязываться к Москве и Петербургу эта творческая рознь стала именно при нем, а особенно, очевидно, после появления первых глав «Онегина», произведения чрезвычайно «петербургского» и написанного таким прозрачным и легким стихом, какого русская поэзия еще не знала. Конечно, это была победа в наметившейся борьбе традиций, но в такой борьбе окончательных побед не бывает, поскольку победа мобилизует оппонента. У Москвы же довод оказался наготове и в общем соизмерим по масштабу — «Горе от ума». По общему масштабу поэтического явления, но, так сказать, не по жанру. Все-таки если «Онегин», с некоторой точки зрения, очень большое лирическое стихотворение — т. е. самая сердцевина поэзии, то «Горе от ума» — огромная, развернутая эпиграмма, при всей своей глубинной лирической природе, непосредственно, впрямую занятая лицами, характерами, нравами и положениями, а не внутренним миром.

И по-настоящему адекватный ответ триумфальным достижениям пушкинской стиховой традиции последует чуть позже — это будет поэзия Лермонтова и Тютчева, вырастающая на почве московской культуры, культуры университетской. Поэзия, созданная в неизбежном творческом споре с пушкинской и художественно сопоставимая с ней на главном поле — лирическом.

Вот с этого момента **в о з н и к н о в е н и я** — не попыток и намерений, а состоявшейся альтернативы — оппозиция «московской» и «петербургской» поэтической культуры живет в русской литературе, потому что за некими *стереотипами* московской и петербургской поэзии стоят *архетипы*, основополагающие начала, принципы порождения поэтической речи.

За конкурсом ямбического четверостишия с перекрестной рифмой абаб и всеми усложнениями и двух пар рифм аа bb, таких архаичных, изначальных на вид, конкурс таких оппозиций, как изъяснение/заявление; повествование/называние; линейность/дискретность; музыка/театр; сплошной текст/пауза; речь/молчание (не безмолвие, как отсутствие чего бы то ни было, а именно молчание говорящего) и т. п...

Тынянов писал о Пушкине: «...поэзия в 30-х годах мимо его ушла не вперед и не назад, а вкось, к сложным образованиям Лермонтова, Тютчева, Бенедиктова...»⁸. Оставив в стороне явно особой природы эксперименты Бенедиктова, с уверенностью, думается, можно сказать, что здесь имеется в виду поиск поэтических альтернатив Пушкину. Если никто не прокламировал задачу «московской школы» так открыто и настойчиво, как Ше-

вырвав, то едва ли кто решил эту задачу так убедительно, как Лермонтов. Собственно без него все разговоры о «московской школе» выглядели бы, пожалуй, плачевно. Он преодолевает теоретизм «университетской», «ученой» поэзии, органично перерабатывает свойственный ей интерес к философии и поэтическому эксперименту. Философическая риторика и аллегоризм у Лермонтова перерастали постепенно в емкую философскую символику, а расширение ритмико-мелодического репертуара (прежде всего за счет трехсложников) перестало быть экспериментом, дав новые возможности стиху в разработке живой речи.

Роль Пушкина в споре представляется классически ясной: Пушкин тот, кто дал язык. Пушкин — это обретение свободы изъяснения, изливания. И вот тут — лермонтовская реплика — почему, собственно излияние? Изливается ли речь или речь это то, что сотворяется именно сейчас и здесь в этом стихе, этим поэтическим актом? Лермонтов отказывается от понимания поэзии как потока, затягивающего в себя весь окружающий мир, и утверждает поэзию, скорее, как серию вспышек, как фиксацию поэтического события, переживания. Лермонтовская рефлексия из сферы чисто идеологической распространяется и на художественную. Собственно практически ставится вопрос о преодолении инерции пушкинского канона.

Так эта архетипическая пара, которую, думается, есть все основания соотнести с двумя типами поэтической речи «пушкинским/лермонтовским», «петербургской»/«московской» поэзии, отныне будет сосуществовать и сказываться в русской поэтической культуре, в более или менее явно выраженных формах, соревнуясь и реализуясь на разных ее этапах поочередно или параллельно.

Примечания

- ¹ Благодарю за это указание Г.В. Зыкову.
- ² Северная лира на 1827 г. М., 1984. С. 223.
- ³ «Московский телеграф» был лишь ярким исключением.
- ⁴ Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского / Сост. А.М. Песков. М., 1998.
- ⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937 (XIII, 320; 2 марта).
- ⁶ См. об этом: Уразаева Т. Лермонтов: история души человеческой. Томск, 1995.
- ⁷ Зыкова Г.В. Пушкин и Шевырев // Пушкинский сборник статей. М., 1999.
- ⁸ Тынянов Ю.Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 191.

Résumé

The rise of a cultural opposition «Moscow poetry»/«Petersburg poetry» can be referred to the late 1820s — early 1830s. In this period the establishment of the Moscow poetic school was taking place at the same time as it was determining itself relative to

the Pushkinian canon at which the Petersburg school was oriented. Appearance of the Moscow alternative became possible in connection with the final shaping of various types of cultural space. In the capital it was centered around the court and correspondingly a high society salon: in Moscow it was the University and the theatre — i. e. another university, according to the contemporary phrase.

Moscow University and the Moscow type of education turned out to be the ground for the new direction in poetry: predominance of interests in philosophical knowledge over those in social and political problems, of philosophical aesthetics over practical criticism, journals published by professors and not by men of letters, the influence of contemporary German philosophy as capable of constructing a general vision of the world and supplanting the French influence.

S.P. Shevryov, creating aesthetic foundations for the philosophical poetry, became the theoretician for the new direction. But in actual earnest «the Moscow alternative» found its true embodiment in Tyutchev's and Lermontov's works whose poetry was being framed in a creativity contest with Pushkin's poetry and is artistically comparable to it.

From that point onwards, the opposition of «Moscow» and «Petersburg» poetic culture goes on living in Russian literature, because behind it there stand archetypes and principles of generating poetic speech: Lermontov declined to accept Pushkin's understanding of poetic speech as a current drawing in all the surrounding world, and affirmed poetry as retention of a singular poetic event, emotion, or experience.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 9. Филология. 2000. № 6

Е.Г. Руднева

Цветовая гамма в повести И.С. Шмелева «Богомолье»

(к 50-летию со дня смерти писателя)

«Богомолье» И.С. Шмелева относится к числу наиболее значимых и совершенных произведений писателя эмигрантского периода. Глубоко концептуальное и эстетически завершенное, оно обладает тем свойством истинной художественности, в силу которого каждый компонент текста несет на себе отпечаток образного целого. Благодаря этому даже такое частное исследование, как анализ колорита художественного мира, позволяет прийти к некоторым обобщающим выводам относительно стиля повести и его доминирующих начал.

Роль цветовой гаммы в произведениях Шмелева заметно усилилась уже в 1918—1920 гг., когда в связи с трагически пережитым им в Крыму духовным кризисом началось формирование его новой творческой манеры. Именно тогда в художественном строе произведений писателя цветовая гамма стала приобретать особую, по существу, конструктивную роль, стала одним из смыслообразующих и стилеобразующих факторов.